

СУДЬБА ЖЕНИ КОЧЕТОВА

Из института вышли вместе с отцом. Не глядя на Женю, Степан Алексеевич остановился, достал папиросу. Чиркал одну спичку за другой, они упорно не зажигались, вероятно, руки у него слегка дрожали. Наконец чертыхнулся со всей яростью видно, не в спичках было дело. Женя стоял, опустив голову, на сердце было совершенно пусто. Как и час назад, светило солнце, голубело небо, шумели тополя, поблёскивая на солнце серебристой листвой, но его жизнь, жизнь Евгения Кочетова, оказалась перечёркнутой крест-накрест.

Первым опомнился отец.

— Куда пойдём? — хрипловато спросил он.

Женя промолчал.

Отец положил руку ему на плечо.

— Не горюй, Евгений! Что-нибудь придумаем.

Женя с какой-то неприязнью взглянул на отца: к чему слова. Ведь прекрасно понимает, что всё кончено.

— Сегодня поедem или завтра? — озабоченно спросил отец.

— Лучше сегодня, — безразлично ответил Женя.

Выезжали из Ставрополя под вечер. Над холмистой степью стояла лиловая дымка. К самой дороге подходили шеренги молодых трепещущих на ветру деревьев. Встречные машины шли в облаках пыли, пронизанной вечерним солнцем и от того золотой.

Степан Алексеевич беспрерывно курил. Единственное, чего хотелось Жене, это молчать; он прикрыл глаза, притворяясь спящим.

Вспомнился выпускной вечер. Женя, взволнованный, сосредоточенный, с аттестатом зрелости в руках спускался со сцены. Играла музыка. В глубине зала сидели отец и мать. Мать плакала, отец тихонько подёргивал усы, как всегда в минуту большого волнения. Женя сел с товарищами, но ещё несколько раз оглянулся назад, обязательно встречаясь со счастливым, полным любви взглядом матери. Были речи, поздравления. Иван Михайлович, директор школы, высокий и особенно торжественный, говорил: «Где бы вы не оказались — в институте, на производстве, в колхозе — храните честь школы и свою комсомольскую честь». На производстве? В колхозе? Женя не думал об этом. Институт, только институт! Тонкой химической технологии... Хотя, можно и медицинский. Или лучше внешней торговли. Вообще институт! Иначе зачем было учиться...

Выступал отец. Жене было немножко неловко от того, что отец так волновался, и ребята подталкивали Женю: геройский у тебя батька! И, может быть, именно из слов отца, который говорил, как часто ощущает нехватку среднего образования, Женя почувствовал, какое счастье держать в руках аттестат зрелости, раскрывающий широкую дорогу в жизнь.

Потом танцевали, горячо мечтали о будущем. Пели «Школьный вальс» и с бьющимся сердцем — «Студенческую дорожную». По давней традиции всех выпускников школы восход встретили за селом, у реки.

В Москву Женя приехал утром. На Курском вокзале оглушили гудки машин. Женя огляделся. Не хотелось никого спрашивать, хотелось сразу самостоятельно окунуться в московскую жизнь. До квартиры дальних родственников добрался легко и через час уже ехал в институт. Документы он подал в геологоразведочный. И уже заранее ощущал на своих плечах золотые вензеля погон. Вот славно будет в форме приехать домой. Мать расплачется, конечно, а отец насмешливо прищурит глаза, но и он в душе будет восхищаться сыном. Троллейбус шёл по мосту. Женя безотрывно глядел в окно.

Вдруг, на повороте, далеко за рекой встало величественное, словно рвущееся ввысь, здание, освещённое лучами солнца. Московский университет! Вот куда надо было подать документы. Впрочем, в институте тоже понравилось. Шёл ремонт, приходилось шагать через доски, обходить вёдра с известью, но Женя влюбился в институт с первого взгляда. С чувством торжественной радости он шёл по коридорам, с благоговением заглядывал в аудитории. Жадно смотрел на какого-то преподавателя внушительного вида, с седой бородой лопаточкой, решив, что это обязательно академик.

Беседа с товарищами внушила тревогу. Вечером писал домой письмо: «Конкурс огромный, вряд ли попаду». Через несколько дней отец вызвал его к телефону. Отца было ясно слышно, но Женины ответы доносились приглушённо, и поэтому Степан Алексеевич кричал изо всех сил: «Поезжай в Ростов! В Ростов поезжай! Дядя поможет. Слышишь? В Ростов».

Дядя, действительно, принял активное участие в Жениной судьбе. В первый день он особенно бодрился. «Семнадцать баллов?— спрашивал дядя. — Устроим, не горюй, брат», — и тут же составил план. — «Утречком, значит, я иду к Ивану Кузьмичу. Он позвонит своему зятю, тот побывает у начальства. Вот дельце и сделаем. Не поможет Иван Кузьмич, в запасе Надеж - да Филипповна, у неё дочь когда-то секретарём там работала. Знакомство огромное. Не пропадёшь, брат».

В ожидании результатов Женя бродил по Ростову, пропадал на Дону, катался на лодке, однако чувство тревоги уже не оставляло его. Дядин энтузиазм что ни день то спадал, его рассказы о встречах и звонках становились всё короче, ответы уклончивее, пока, наконец, однажды он не разразился целой речью против «бюрократов», которые даже для друзей не хотят палец о палец ударить. Речь была прочувствованной, дядя по-настоящему расстроился, Женя с первых же слов понял — и здесь неудача.

С отцом встретился по дороге, в Невинномысске. Ждали автобуса. Очередь была огромной, уже ехали на занятия студенты. Разговаривали мало, о посторонних вещах. Степан Алексеевич бережно избегал касаться больного места. Со второй половины дня начали нервничать. Обоим казалось: попади они сегодня, именно сегодня в Ставрополь — и всё будет в порядке. Степан Алексеевич время от времени подогревал настроение: в прошлом году в сельхозинституте был недобор. Жене, который ещё недавно и слышать не хотел о сельхозинституте, сейчас казалось огромным счастьем, попасть туда, а Степан Алексеевич даже ликовал, он давно мечтал, чтобы сын овладел профессией, нужной у них, в колхозе «Партизан».

Отошёл ещё автобус, такси брали с бою.

Женя не выдержал.

— Пойдём, голоснём!

Вышли к переезду. Через полчаса уже тряслись в кузове грузовика. При въезде в Ставрополь навстречу попала женщина с вёдрами. Степан Алексеевич, который ни в какие приметы не верил, обрадованно подтолкнул Женю: «С полным! К счастью!»

Всё в Жене сосредоточилось в одном чувстве: «Пусть примут!» Он был очень рад, что с ним отец, что говорит с директором института он и, конечно, сумеет объяснить директору — без института Жене не жить! Отец, знатный комбайнер известной в стране МТС, имеет право, чтобы его сын учился в институте. Отказа не будет. Не может быть. Женя должен попасть в институт!

И всё-таки они услышали отказ:

— В институте перебор. Да, на всех факультетах. И принимали с восемнадцатью баллами.

Жене казалось, что на него обрушилась страшная тяжесть, даже дышать стало трудно. Директор ещё что-то говорил отцу. До Жени доносились фразы: «Селу нужны образованные люди». «Интеллигенция — огромная сила». В душе его поднимался протест против отца, который зачем-то ещё слушает этого человека, одним словом закрывшего перед Женей дорогу в институт, да ещё головой кивает. Скорее уйти.

Забраться бы в какую-нибудь щель. Рухнули мечты. Нет в жизни места для Евгения Кочетова!

Шли дни. Не бежали, а именно шли, тащились. Женя с утра до вечера оставался один, у отца было горячее время. Мать пропадала на ферме. Младший брат Миша — в школе.

И только Жене некуда было торопиться. Несколько первых дней просто уныло слонялся по двору и саду, потом надоело. Мать посетовала, что погреба нет. Женя решил копать. Взялся за работу пораньше, с утра. Когда солнце начало припекать, он уже прошёл верхние твёрдые слои. Стоя по пояс в яме, энергично выбрасывал наверх рыхлую землю. Движение разогрело кровь. Прикидывал, какие доски взять на дверцы, на каких брусках укрепить свод. Дело спорилось, и невольно становилось веселее, как всегда бывает на работе. Принялся насвистывать «Капитан, капитан, улыбнитесь!»

Неожиданно

над самым ухом раздался насмешливый голос незаметно подошедшего Николая.

— Нашёл, значит, применение своим способностям?

Женя отбросил лопату, уселся рядом с товарищем на краю ямы. Закурили, ещё по-школьному, с оглядкой.

Из тридцати выпускников школы в вузы не попало шесть. Впрочем, Настя и Галина и не ездили сдавать экзамены. Настя ещё с лета работала учётчиком третьей бригады, заводила там свои порядки, с жаром выпускала боевые листки, организовывала соревнование комсомольцев, ссорилась с трактористами и председателем и считала, что тут её место и есть.

Галина была влюблена в механика Костю. Ей казалось, что расстаться с ним невозможно. В Костину верность на расстоянии не очень-то верила, ревновала его без всякого повода, с азартом возилась со своими племянниками и племянницами, которых у неё, кажется, было шестеро, все одинаково белоголовые, пухлощёкие, перемазанные вишеньем. Плакали они во всё горло и ещё громче смеялись. Галина, бывало, краем мысли думала, что, когда они с Костей поженятся, то ребята у них будут вот такие, и краснела от счастья.

Григорий уже по дороге домой прочертил новую линию своей жизни. На другой же день начал работу в МТС. Его всегда тянула к себе техника. Степан Алексеевич со значением нахваливал его сыну, но впечатления не производил. Женя только хмурился в ответ.

Ваня в село не вернулся. Остался у родных в Краснодаре, решил поступить на завод.

Так и вышло, что товарищи нашли себе место и только Женя с Николаем бродили неприкаянными. Впрочем, по возбуждению Николая Женя понял, что план созрел и у него.

— Выкладывай,— коротко предложил он.

— Идём в вечернюю школу! — горячо заговорил Николай.

— Зачем? — не понял Женя.

Николаю пришлось долго объяснять, пока, наконец, до Жени дошли его соображения: нужно проучиться ещё год в десятом классе, учиться хорошо, можно и медаль получить. Только надо уехать куда-нибудь подальше, чтобы не узнали, да справку достать об окончании девятого класса. В первую минуту Женю покорило, но чем дальше говорил товарищ, тем больше отходило смущение. Да, это выход!

До вечера план оброс подробностями, и Женя уже с жаром рассказал о нём родным.

У Миши заалели уши, он порывался что-то возразить, но предостерегающий взгляд брата остановил его. Мать недоверчиво покачала головой, потом неуверенно согласилась:

— Что ж попробуй, Женичка, твоя жизнь, твоя и судьба.

Отец выслушал молча и вышел во двор. Прошло с полчаса, а он всё не возвращался. На улице было так темно, как бывает осенью в безлунную ночь на юге. Женя

обнаружил отца по огоньку папироски, который то вспыхивал, то притухал во мраке. Присел рядом с ним, такой же высокий и широкоплечий, как отец.

— Не хочу я тебе, Евгений, на дороге стоять, а только не лежит сердце к тому, как ты спланировал,— тихо промолвил Степан Алексеевич.— Больно на обман похоже. Это что же выходит? Аттестат зрелости на руках, а государство на тебя второй раз силы и средства будет тратить.

Отец уклончиво хотел подсказать дорогу, но Женя не понял.

Для него главным в словах отца было не осуждение, звучавшее в них, а скрытое в них разрешение. Обрадовался. И всё-таки с вечера долго не мог уснуть. Топчан стоял во дворе под навесом, на тёмном небе мигали звёзды, глуховато шумели деревья, стрекотали кузнечики на огороде, изредка ночная тишина прорезалась автомобильным гудком — усадьба Кочетовых стояла недалеко от грейдера, что шёл на Ставрополь. На сердце было как-то беспокойно, хотя и пытался заверить себя — путь выбран правильный. Заснул уже под утро, когда ветер стал резче и в сероватой мгле ясно проступили очертания развесистых яблонь у дома, высоких тополей в глубине двора. Проснулся Женя, когда солнце било в лицо. Вскочил, обмыл - ся холодной водой. Надо действовать!

В горнице никого не застал. На столе рядом с хлебом и чашкой каймака, прикрытой полотенцем, белела записка. «По - думай, Евгений, — писал отец.— Ошибиться в жизни легко, да надо ли? Прямее дорога найдётся». Женя смял записку. «Наверное, отец, когда писал, о Григории вспомнил».— С какой-то завистью к товарищу мелькнуло в голове. Сел завтракать, хотел пустить радио погромче, но передумал. Диктор больше часа торжественно и истово передавал какой-то материал. Женя был слишком занят своими мыслями, и вслушиваться не хотелось.

Только вышел из дому, навстречу попала Настя, возбуждённая и ещё больше ликующая, чем обычно. Женя хотел пройти мимо, но Настя остановила его.

— Здорово, брат, — она даже рукой, сжатой в кулак, взмахнула,— Вся жизнь колхозная на подъём пойдёт! радио-то слушал?

Женя ещё в школе не любил поддаваться Насте, которая всегда как-то раньше других схватывала всё важное в жизни, поэтому и сейчас он неопределённо мотнул головой. Настя приняла его жест за знак утверждения

— Ну, теперь хоть возьмёшься за какое-нибудь дело? Покончишь со своими переживаниями, принц Гамлет? — насмешливо спросила она.— Может, всё-таки вспомнишь, что нынче у Гамлета в кармане комсомольский билет. Мировая-то скорбь не положена. Полезнее дела найдутся.

Уже разминувшись с Женей, крикнула вслед:

— Ты в комитет дорогу забыл! Завтра собрание. Слышишь?

Настроение у Жени опять подпортилось. Этакая ядовитая деваха! Нашла же обидные слова. И всегда находит. Он подо - брал хлыстик, валявшийся в пыли, и шагал по узкой тропке вдоль забора, сбивая головки мелких ромашек и с силой ударяя по серой пыли и лиловым шарам татарника. Они не ломались, а только стряхивали с листьев маленькое облачко пыли.

В школе была перемена. Всё вокруг звенело шумом и гамом. С ребятами встречаться не хотелось, и Женя побродил поблизости до звонка,

Иван Михайлович встретил его приветливо, крепко пожал руку:

— Так и знал, что ты сегодня посоветоваться придёшь. Большая радость для колхозного села, Евгений! Тут в стороне не останешься. Образованный человек сейчас сила огромная.

Женя понял, что опять речь идёт о том материале, которого он не слышал. Не желая обнаружить своё незнание, повернул разговор с опасного русла.

— У вас, Иван Михайлович, мой табель остался за девятый класс. Мне он очень нужен.

Директор понял сразу. Лицо его неуловимо изменилось. Взгляд стал холодноватым. Не глядя на Женю, он задумчиво барабанил пальцами по краю стола. Молчание начало

томить Женю. Наконец директор поднял голову, и Женю поразило выражение его глаз: в них была сила, уверенность, какой-то странный призыв.

— Табель твой, Евгений. Но выдам я его через неделю... А ты... подумай пока. Тысячи путей перед тобой. Тысяча дел твоих рук ждёт, твоей мысли. При первой неудаче ты сдался. Нет, брат. Пусть от тебя ни жизнь, ни учёба не уйдут! А если придёшь за табелем, — Иван Михайлович говорил с расстановкой, даже с трудом, будто каждое слово лежало камнем, и поднимать его было тяжело, — если придёшь, — что же! — буду знать: ошибся в тебе, в жизни моей ещё одна неудача, ещё один провал... Их немного было, больше радости...

Женя пришёл домой в двенадцать, по дороге домой не оставляло смутное чувство какой-то большой вины. Включил радио. После первых же слов схватился за карандаш: отец-то в поле. Не услышит. Записывал лихорадочно. Ничего, разберётся потом, каждая мысль важна. Не пропустить бы чего.

Только кончил, в дверях выросла соседка тётя Глаша.

— Что-то, Женичка, никак опять колхозникам радость?

— Садитесь, тётя Глаша, расскажу.

— погоди, я Нюрку кликну с Максимовной, да и деду Игнату шумну, нехай послушает.

Расположились в садочке, под старой алычой. Подошёл ещё народ. Женя говорил взволнованно, стараясь точно припомнить слова Постановления и сердясь на свои закорючки, многих из которых уже не понимал.

Слушали горячо, то и дело перебивали:

— Точно! Почему доходы во «Власти Советов» больше, чем у нас в «Партизане»? Что там люди другие, земля не та?

— К подсолнуху-то без интереса, ровно масла нам не нужно.

— Пока доярки коров накормят, намаются, аж руки гудут!

— У Иваныча по пять килограмм с овцы настриг, а у Сергея и по три не набегит.

— Марьюшка-то ещё по весне председателю всё о картошке тростила, да разве он слушал, окаянный.

— Вот, а Василий мне всё жизни не давал: «Продадим Бурёнку, одна морока с ней!»

— Значит, и нашей МТС новые машины положены. От оно! Думает партия о нас, душой болеет.

Каждая реплика подтверждала Евгению: в самую точку попало Постановление, каждое слово ложится прямо на сердце.

Из-за низкого каменного заборчика донёлся звонкий голос Галины:

— Женя-я! Настя послала, тебя в райком комсомола вызывают. Да ты кончай, кончай, погода придёт.

В райкоме было шумно, у стола секретаря сидела Лидия Васильевна, заведующая библиотекой.

— Слушай, Евгений, это тебя касается, — бросил ему секретарь.

Лидия Васильевна говорила, что её муж, работавший в райзо, едет в Степновскую МТС, теперь и она может к своей специальности вернуться. Младший зоотехник она, в райцентре ей места прошлый год не нашлось, вот и пошла в библиотеку. Замена нужна.

— Принимай, Евгений, библиотеку!

Женя возмутился:

— решил за меня! А я, может, тоже в МТС пойду.

— Ты на Григория не смотри. Григорий каждое лето в штурвальных ходил, а у тебя никакой специальности, — убеждал секретарь.

— Что же, надо — пойду, — но голос у Жени дрогнул обидой.

— Чучело - мучило! — рассердился секретарь, и сразу слетела с него важность, и ярче проступили веснушки, делая лицо совсем мальчишеским. — Ты же книгу колхознику понесёшь. Показ опыта будешь организовывать. Думаешь, маленькое дело? Да и учись, кто тебе мешает! Без учёбы-то никто сейчас не живёт.

Женя вернулся домой поздно. В отделе культуры приказ дали без задержки. Лидии Васильевне не терпелось приступить к сдаче. До усталости Женя ставил пометки в инвентарной книге, старался запомнить: чёрные с золотом — это Горький, а по силосованию книги на третьем стеллаже внизу слева.

— Ты обязательно передвижку из них в Ивановку направь, там прошлый год с кормами плохо было, прохлопали, — инструктировала Лидия Васильевна.

Двери в горницу Евгений открыл радостным рывком. Отец поднялся ему навстречу:

— Никуда ты, Евгений, не поедешь, — твёрдо и строго произнёс отец, — Больно рано я тебе волю хотел дать. Мы нашу зрелость в походах винтовкой да в труде мозолями добывали. А твоя на бумаге, раз не можешь разобрать, где право, где лево.

Женя поправил рубашку сзади под ремнём, развёл плечи, блеснул глазами и ещё больше стал похож на отца.

— Библиотеку я нынче принимал. А ты вот что лучше скажи, когда вы там о курсах подумаете или о кружке что ли. Кадров-то вам немало понадобится.

Отец уже спал, а Женя сидел над листом бумаги, размечая, как сделать стенд, чтобы все материалы и цифры Постановления ярко и наглядно легли на него.

Окно было распахнуто настежь. В конце улицы шли девчата. В тишине задорно и звонко неслись их голоса. И звонче, и радостней других был голос Насти. Женя сразу узнал его: славная эта девушка Настя, вот уж кто с прямой дороги не свернёт.

Подошёл к окну. И дорога эта, о которой ещё вчера не знал, не мечтал, бежала далеко. Звала, будила силы. И виделась за ней неоглядная солнечная ширь.